

МИГРАЦИИ ПТИЦ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В.Н. Грищенко

Перелеты птиц тысячелетия оставались загадкой для человека. Таинственное исчезновение их осенью, появление неведомо откуда весной, внезапные налеты невиданных ранее пернатых — все это поражало воображение. Там же, где есть загадка, появляются мифы — первая робкая попытка человеческого сознания осмыслить происходящее. Миграции птиц нашли отражение во множестве религиозных верований, поверий, обрядов и т. д., да и в повседневной жизни. Жители древних Персии и Аравии, например, при составлении календарей учитывали время прилета и отлета некоторых видов птиц (Клаудсли-Томпсон, 1982). У целого ряда сибирских народов — якутов, самодийцев, кетов и др. — март, когда возвращаются первые птицы, называется месяцем орла (Штернберг, 1936). В древнем скандинавском календаре период с 22 апреля по 21 мая назывался месяцем кукушки (Gattiker, Gattiker, 1989).

Можно выделить два основных фактора, повлиявших на отношение людей к перелетным птицам, — направления и сроки миграций (Грищенко, 1996а).

Классический пример птицы, ставшей благодаря своим миграциям священной, — белый аист у мусульман. Азербайджанское название его — хаджи-лелейк, одно из арабских — хаджи-лаклак. Они включают слово “хадж” — паломничество в Мекку, т. е. получается “аист-паломник”. В данном случае сыграло роль то, что через Ближний Восток аисты летят в направлении священного города мусульман, хотя и не долетают до него, сворачивая в Египет. Из Закавказья и Передней Азии часть птиц также летит на зимовку через Аравийский полуостров.

По арабскому поверью, в аистов превращаются души мусульман, которые за свою жизнь ни разу не совершили предписанное Кораном паломничество к гробу пророка Магомета. Они вынуждены делать это уже после смерти в облике птиц. Поэтому каждый, кто умертвил аиста, является убийцей (Creutz, 1988; Gattiker, Gattiker, 1989; Tavakoli, 1989). Другой вариант поверья, распространенный на востоке Анатолии, — в аистов превращаются жители далекой страны, чтобы посетить Мекку. После возвращения весной они снова принимают человеческий облик (Creutz, 1988). В данном случае на почитание птицы на “миграционной” почве наложились еще и отголоски более древних верований. Доисламские бедуины считали, что после смерти тела душа продолжает свое существование в облике птицы (Gattiker, Gattiker, 1989). Второй вариант поверья несомненно связан с давними тотемистическими представлениями.

Верования одного народа могут далеко перемещаться вместе с его представителями. Это касается не только религии в целом, но и отношения к определенным животным. После арабских завоеваний исходно ближневосточный культ белого аиста-паломника широко распространился по мусульманскому миру. Сходные воззрения встречаются у таких совершенно не родственных народов, как арабы, турки, иранцы, некоторые африканские этносы. Впрочем, давние религиозные представления не мешают тем же мусульманам во многих странах активно охотиться на аистов — и как источник мяса, и для развлечения. Особенно активно такая охота ведется в Ливане, Сирии, Египте, многих странах тропической Африки (Schulz, 1988).

Благодаря регулярным миграциям с севера на юг и обратно перелетные птицы могли становиться “транспортным средством” для богов и героев. Это нашло отражение, например, в сказках — путешествия Нильса или Ивасика-Телесика с гусями и т. п. По греческим мифам, Аполлон регулярно отправлялся к гиперборейцам на колеснице, влекомой лебедями (Грейвс, 1992). Лебедь вообще считался священной птицей Аполлона. По мнению Б.А. Рыбакова (1994), представления о том, что Аполлон-солнце на зиму уходит на север, отражали смену сезонов года. В мифологии живущих на Енисее кетов первый великий шаман Дох улетает зимовать на юг вместе с птицами (Мифы народов мира, 1980–1982).

По многочисленным народным поверьям, более крупные птицы во время миграции переносят с собой мелких пичуг. Славяне, например, верили, что перепелки “путешествуют” на аистах или журавлях. На севере Судана местные жители считают, что аисты осенью приносят на своих крыльях большое количество трясогузок, зимующих на берегах Нила (Elmalik, 1989).

Второй фактор — сроки миграции, точнее совпадение их с наступлением важных для человека явлений природы — приход весны или сезона дождей, разливы рек и т. п. Священный ибис у древних египтян стал именно таковым не в последнюю очередь потому, что прилетал на места гнездования перед разливом Нила, от которого зависела вся жизнь людей в долине великой реки. Он стал предвестником разлива. Священный ибис олицетворял Тота — одного из верховных богов в египетском пантеоне (Антес, 1977; Мифы народов мира, 1980–1982). Ибиса бальзамировали, ему даже ставили пирамиды. В Египте он был и символом мудрости (Федосеев, 1998). Здесь важно учесть еще и то, что для древних цивилизаций Ближнего Востока именно разливы рек имели решающее

значение в орошении полей, а отнюдь не осадки. Так было и в Египте (Антес, 1977), и в Междуречье (Крамер, 1977).

Подобно этому у многих африканских племен священным считается белобрюхий аист — хрестоматийный пример сезонных миграций птиц в тропиках. Гнездится он в сухих саваннах к югу от Сахары и на Аравийском полуострове. Период размножения этой птицы приходится на сезон дождей, прилет совпадает с его началом. Более того, в сухой сезон белобрюхий аист покидает места гнездования и, пересекая влажные тропические леса, оказывается к югу от экватора. В это время сезон дождей наступает там. За такую особенность эту птицу в немецком языке так и называют “Regenstorch” — дождевой аист. Вполне понятно, почему согласно поверьям местных жителей он приносит столь необходимые земледельцу и скотоводу дожди. Подобно белому аисту в Европе, белобрюхий часто селится в африканских селах, устраивая гнезда на крышах хижин. По неписаному закону запрещается тревожить или преследовать птиц (Archer, Goodman, 1937; Kahl, 1981; Карри-Линдал, 1984). Африканский аистразиня, гнездящийся в тропической Африке и на Мадагаскаре, также совершает подобные миграции (в обратном направлении — зимует к северу от экватора), но в “противофазе” — предпочитает сухой сезон года. Поскольку сроки его миграции не совпадают со столь важными для человека явлениями, к священным птицам он не относится.

Прилет птиц весной люди отмечали издавна. Само их появление порождало множество суеверий. Но главное, что с прилетом птиц приходила весна и возвращалось тепло. Л. Билецкий писал по этому поводу: “Обращение через молитвенную заклинательную песню к птицам, которые только что прилетели, можно считать одним из крепчайших и древнейших обрядовых действий”

(Білецький, 1947, цит. по: Килимник, 1994). Причем в данном случае важно не только то, когда, но и *откуда* прилетают птицы. По давним представлениям многих народов, они улетают на зиму в рай. В украинском языке до сих пор сохранилось выражение “птахи відлітають у вирій”. Вирій — это рай древних славян. На Руси перелетных птиц называли “вырийными” (Тараненко, 1995; Вагурина, 1998), т. е. райскими. Более того, весну вообще встречали лишь с прилетом первых птиц (Пропп, 1963; Килимник, 1994). Понятно, что птица, прилетевшая из рая, от богов, да еще принесшая при этом весеннее тепло, уже сама становится как минимум вестником этих богов. У казахов и киргизов Млечный Путь называется “птичьей дорогой”. Мусульманизированная версия — путь, по которому птицы летят в Мекку (Симаков, 1998). По представлениям живущих на Енисее кетов, между небом и землей есть отверстие, откуда и прилетают птицы (Мифы народов мира, 1980–1982).

Отношение к птицам, “принесшим” весну, было особое. Их любили, в честь их прилета устраивали веселые праздники, приносили жертвы и угощения, к ним обращались с молитвами и просьбами. Даже для традиционно охотничьих видов существовали определенные “льготы”. У эвенков, например, был обычай, запрещающий стрелять в первого прилетевшего гуся или утку.

Этнографы описывают праздники встречи перелетных птиц у самых разных народов. Были они и у восточных славян. Это прежде всего 17 марта (нов. ст.). В России этот день называется “Герасим-грачевник” (обычное в таких случаях объединение христианских и языческих праздников типа Ивана Купала). В Украине грачи прилетают раньше. В этот день ожидали аистов (Килимник, 1994). Такой разницей говорит о том, что это был скорее всего вообще праздник прилета

птиц, просто в разных местностях различные виды были провозвестниками весны. Другой день, связанный с прилетом птиц, — 22 марта (христианский праздник Сорока святых). В этот день также встречали вестников весны, даже выпекали специальное обрядовое печенье, которое часто так и называют “жаворонками” (Килимник, 1994; Скура-тівський, 1998).

Такой небольшой интервал между двумя сходными праздниками говорит о том, что видимо в древности прилет птиц отмечался у восточных славян в конце второй — начале третьей декады марта. Хорошо известно, что раньше праздники не были жестко привязаны к конкретным датам. Возможно также, что разные дни отмечались в различных местностях. Лишь впоследствии они были приурочены к христианским праздникам. На этот период приходится еще и весеннее равноденствие, так что выбор его, видимо, был не случаен.

Аналогичные праздники были в других странах. В Восточной Пруссии день прилета птиц отмечался 25 марта — на Благовещение (Hinkelmann, 1995). В Англии день 15 апреля назывался “ласточкин день”. В Греции прилет ласточек праздновался 1 марта (Gattiker, Gattiker, 1989).

“Приуроченность” прилета птиц к церковным праздникам (есть даже поверье, что птицы появляются весной непременно на христианские праздники) объяснить несложно. Еще совсем недавно не висел в каждом доме календарь. Крестьянин мог понятия не иметь, что такое 24 июня или 6 августа, зато он знал дни Ивана Купала и Спаса. По церковным (а ранее по языческим) праздникам, как по вехам, шел отсчет времени. Этнографы пишут, что счисление его крестьяне вели по церковным святым, народные приметы связывались с именами святых или с христианскими праздниками (Лебедева, 1987).

Вестниками весны в Европе были самые разные птицы — грач, полевой жаворонок, скворец, чибис, белый аист, серый журавль, деревенская ласточка, кукушка, соловей и др.

Прилет грачей, по крайней мере в северной части ареала этого вида, — до сих пор радостное явление для людей, хотя летом они и приносят много хлопот человеку. В Новгородской губернии считалось грехом разорять грачиные гнезда (Борейко, 1996). Весьма знаменательны здесь два момента. Во-первых, то, что это поверье связано именно с грачом, все-таки во все времена он вызывал немало нареканий у крестьян. Птице, которая прилетает весной самой первой, могли прощать многое. Во-вторых, регион — северная часть Европейской России. Здесь отрыв в сроках прилета грача от других птиц довольно значителен. Дальше на юг, например, в Украине, он уже не столь популярен. Весной грачи прилетают здесь почти одновременно со скворцами, жаворонками, гусями, а еще южнее — немало их зимовало и в давние времена.

Скворец и по сей день остается одной из наиболее популярных в России птиц (опять-таки, несмотря на ущерб садам и огородам), это подтвердил опрос В.М. Пескова в “Комсомольской правде” в 1982 г. Давняя народная традиция привлекать его на гнездование могла быть связана не только с песнями на усадьбе (скворец в общем-то не лучший певец среди птиц), а и с почитанием как предвестника весны. Привлекать можно было бы и других птиц, например, синиц. Они также красиво поют и к тому же уничтожают множество вредителей сада, но изначально развешивались именно *скворечники*. Э. Штресеманн (Stresemann, 1948) считал, что в Восточной Европе привлечение скворцов на гнездование было связано с мифологическими представлениями. В Германии же скворечники со средних веков до недавнего време-

ни использовались в совершенно иных целях — для отлова птиц. Подростки птенцы были лакомством для сельской бедноты. По свидетельству П.С. Палласа, в России в XVIII в. считалось преступлением разорить гнездо или убить скворца в окрестностях деревни (Дементьев, 1950). Увидев первого скворца, жители Владимирской губернии говорили: “Господи, благослови, скоро будет тепло” (Борейко, 1996).

У германцев аист и ласточка были посланцами богини Хольды, предвестниками весны (Gattiker, Gattiker, 1989). У балтийского народа пруссов белый аист связан с богом весны Потримпосом (Hinkelmann, 1995). В мифах армян аист фигурирует как вестник Ара Гехецика. Это умирающий и воскресающий бог, аналогичный египетскому Осирису, греческому Адонису и др. Он олицетворял весеннее возрождение природы (Мифы народов мира, 1980–1982). В Германии о прилете аистов оповещали герольды или городская стража, звонили в колокола, устраивали празднования. В день прилета аистов школьников даже освобождали от занятий или вместо уроков читали им сказки. Дети устраивали на улицах веселые шествия и получали подарки. В Бадене тот, кто первым сообщал наместнику о прилете аистов, получал от него в награду каравай хлеба (Gattiker, Gattiker, 1989). По сведениям Филострата, в Древней Греции и Риме первого аиста приветствовали, падая ниц (Борейко, 1996).

К давним верованиям о весеннем возрождении природы восходит и известное уже всему миру поверье, что белый аист приносит детей. Просто трактовка его раньше была гораздо шире. Древние германцы считали, что белый аист, как посланец богов, приносит с неба новую жизнь на поля после длинной зимней ночи (Gattiker, Gattiker, 1989). Аналогичные представления были и у славян — птицы приносят из вырия весну, а вместе с ней в

образе птиц прилетают души новорожденных и предков, последние — для защиты урожая (Килимник, 1994). Вспомним также древние представления о том, что небо оплодотворяет землю. Так, на Руси считалось, что Перун во время первой грозы пробуждает землю к жизни и оплодотворяет ее (Митрополит Иларіон, 1994). Белый аист у германцев был священной птицей бога грома Донара (Тора), символом божественного благословения. А Донар был кроме того богом плодородия и урожая (Gattiker, Gattiker, 1989), так что аист имел все “полномочия” переносить новую жизнь.

Интересно, что белый аист является вестником наступления земледельческого сезона не только в тех краях, где он гнездится. Для одного из народов Кении появление летающих на юг аистинных стай означает, что пришло время обрабатывать поля. Когда же они летят на север — нужно убирать урожай (Schulz, 1988).

В Древней Греции во время весенних празднеств пелись “ласточкины песни” — дети ходили по домам и славили весну, щебеча, словно ласточки (Мифы народов мира, 1980–1982). Археологи обнаружили, что излюбленным сюжетом фресок на о. Фера возле Крита (критская цивилизация, XVI в. до н. э.) была ласточка, приносящая на своих крыльях весну (Marinatos, 1973, цит. по: Ильинская, 1988).

У ряда сибирских народов весну приносили орлы (Штернберг, 1936). Причем орел был не просто вестником или посланцем. Якуты верили, что природа весной возрождается силой царственного беркута. Тепло рождается от троекратного трения твердого как камень клюва о могучую оперенную ляжку и от взгляда горящих глаз. С прилетом орла кончается старый год и начинается новый. “Орел трижды отер о ногу свой клюв — и сломался один рог мороза; он трижды воспел — и осыпался иней высокого леса; он шесть раз проклеко-

тал — и солнце поднялось выше, подул теплый ветер и сломал другой рог мороза; все пришло в движение, снег растаял, потекли ручьи” (цит. по: Ионов, 1913). Как возродитель природы, орел, подобно Дионису, был также богом плодородия. К нему обращались бесплодные женщины с молитвой о детях. Появившийся ребенок считался “рожденным от орла”. Подобно этому, в финской мифологии другой вестник весны — кукушка — вызывает плодородие своим кукованием. У древних греков орел также считался возродителем природы (Ионов, 1913; Штернберг, 1936).

В Семипалатинской области Казахстана в качестве вестника весны почитался орлан-белохвост. Прилетал он одним из первых птиц в конце марта. Появление орланов отмечалось небольшой пирушкой. Другим вестником весны в Казахстане был орел-могильник. В честь первого появившегося орла кололи барана, которого съедали всем аулом. Убить могильника возле гнезда считалось преступлением (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998).

У кетов, а также некоторых других народов Сибири, вестниками весны и тепла считались лебеди. Они сопровождали “мать жара” Томэм (Мифы народов мира, 1980–1982).

Можно предполагать существование нескольких этапов формирования культа вестников весны. Исходно, видимо, отмечался прилет первых птиц вообще. Так, у восточных славян праздник встречи весны был приурочен к прилету первой птицы, которая ее “открывала” (Мифы народов мира, 1980–1982). В дальнейшем выделяются отдельные виды, наиболее известные, чем-то примечательные или значимые для человека. Причем далеко не все из них “приносили” весну, т. е. прилетали первыми. Ни аист, ни ласточка, ни тем более кукушка не принадлежат к раннеприлетным птицам. Различные виды предвещали разные этапы весны — самое ее начало, приход тепла, раз-

гар весны и т. п. Весьма вероятно, что прилетавшие позже птицы стали почитаться как вестники весны уже после возникновения земледелия. Их появление как раз примерно совпадало с началом весенних полевых работ. Причем почитание многих вестников весны имеет под собой не только миграционную почву. Это хорошо видно на примере белого аиста — в истоках его культа у индоевропейцев лежит целый комплекс факторов (Грищенко, 1998). Наконец, в заключение формируется культ одной или нескольких птиц-вестников. В разных местностях или у разных племен и народов могли быть различные вестники весны.

Была у птиц-вестников и своя “специализация”. Например, у украинцев ласточка приносила весну в дом, жаворонки — на поля, гуси, гоголи, цапли — к водоемам, кукушки, соловьи и горлицы — в леса и сады, аисты также приносили души новорожденных, перепела и кукушки — души предков. На крыльях же птиц прилетала и весна (Килимник, 1994).

У украинцев был целый период встречи весны протяженностью около месяца — от появления первых птиц в конце февраля — начале марта (ст. ст.) примерно до Благовещенья (Килимник, 1994). Новый год на Руси до середины XIV в. отмечался 1 марта (Лебедева, 1987), т. е. он наступал фактически с приходом новой весны. Перелетные птицы были тем дедом Морозом, который приносил радость и подарки людям. Это не просто метафора. Птицы-вестники весны наделялись в человеческом воображении большими возможностями. В древности они вообще воспринимались как божества. Существует множество поверий, примет, гаданий, магических действий, связанных с прилетом птиц. У древних германцев новый год наступал с прилетом кукушки и началом кукования. Жрецы спрашивали птицу о судьбе наступившего года (Gattiker, Gattiker, 1989).

По давним анимистическим верованиям, весне нужно было помочь прийти из вырия на землю. У самых разных народов существовал в древности обычай призывать весну. Многочисленные веснянки, которые сейчас стали просто красивыми народными песнями, раньше были своеобразными ритуальными текстами-заклинаниями. Обращение часто идет к птицам, как вестникам и “носителям” весны. Вот характерный пример:

Ой вилинь, вилинь, гоголю,
Винеси літо з собою,
Винеси літо, літечко,
Зеленее житечко,
Хрещатенький барвіночок,
Запашенький васильочок...

(Килимник, 1994).

Короткие строки веснянок пелись очень протяжно, как призыв издалека. Обряд происходил на холмах, проталинах, иногда на строениях. Исполнительницы песен поднимали обе руки к небу (Рыбаков, 1987).

В.Я. Пропп (1963) описал обычай встречи жаворонков в России. Происходило это в праздник Сорока святых. Считалось, что в этот из теплых стран день прилетают 40 птиц и первая из них — жаворонок. В их честь выпекали 40 калачей. Чтобы вызвать прилет птиц, а вместе с ним и начало весны, этот прилет имитировался. Из пресного теста пекли обрядовое печенье в форме птиц с растопыренными крыльями, т. е. они изображались летящими. С этими фигурками дети забирались на возвышенные места, пели веснянки и призывали птиц. Фигурки также могли привязывать нитками к шестам, так что ветер их раскачивал, или подбрасывать вверх. Печенье съедали или же оставляли его в садах и на огородах до будущего года. Считалось, что от этих фигурок птиц будет исходить благополучие.

В Украине выпеченными на Сорок святых “жаворонками” угощали своих и соседских детей. Получив подарки,

ребята ходили по селу и, поднимая фигурки птиц над головой, приговаривали:

Пташок викликаю
З теплого краю, —
Летить, жайвороньки,
Пасти корівоньки!
(Скуратівський, 1998).

Интересную легенду В. Скуративский (1998) записал на Черниговщине. Жаворонок, вылетая из вырия, несет с собой тлеющий уголек и с разрешения Бога (видимо, уже более позднее добавление) роняет его на снег. Так появляются проталины и начинается весна. Как видим, здесь птица не просто приносит ее с собой, но и участвует в изгнании зимы, т. е. возрождает природу, так же как орел у якутов.

Встреча перелетных птиц была частью древней магии. Люди не просто радовались их появлению, а обращались с просьбами об урожае, благополучии, здоровье и т. д. Сейчас это уже в основном детские песенки и приговаривания, но раньше такие тексты имели вполне определенное молитвенное значение. Обращение идет к самым разным птицам. Причем, как и всяким божествам, им приносились жертвы. У славян до нас дошли лишь отголоски этих обычаев, жертвоприношения имеют уже чисто символическое значение. Например, птицам предлагается материал для постройки гнезд. При виде гусиного ключа дети подбрасывают вверх немного соломы и приговаривают:

Гуси, гуси, вам на гніздо,
А нам на тепло!..
или:
Гуси, гуси, вам на гніздечко,
А нам на здоров'єчко!
(Килимник, 1994).

Обращение к аисту:
Буся, буся! На тебе галиопу,
А мне дай жита копу.

В Украине первым журавлям также кидали соломинку, приговаривая: “На тобі на гніздо, а мені на добро”.

Ласточкам бросали комки земли со словами: “На тобі, ластівко, на гніздо, а мені на добро” (Скуратівський, 1998). На западе Украины дети гуцулов, увидев летящих аистов или журавлей, подкидывают вверх солому, палочки и кричат: “На гніздо” (Борейко, 1996).

Ритуальное печенье (“жаворонки”, галиопы, голвоты и т. п.) имело, видимо, двоякое значение. Фигурки птиц, да еще летящих, это то, что Дж. Фрэнзер (1980) называет гомеопатической (имитативной) магией — “подобное производит подобное”. Изготовление их и дальнейшие ритуальные действия были направлены на то, чтобы побудить птиц прилететь из вырея и принести весну. Есть множество примеров такой магии. Наиболее известны, пожалуй, попытки колдовским путем причинить вред своему недругу, воздействуя на его имитационную фигурку или изображение. Охотники у многих народов таким же образом пытались вызвать появление дичи. Например, шаман индейского племени нутка (Британская Колумбия), питавшегося в основном рыбой, при наступлении голода опускал в воду чучело рыбы. Этот обряд, сопровождаемый молитвой, призван побудить рыбу незамедлительно появиться (Фрэнзер, 1980). По одной из наиболее распространенных версий, наскальные рисунки времен палеолита связаны как раз с такой охотничьей магией. В поедании “жаворонков” можно усмотреть еще одно магическое действие — причащение телом божества. Подобные обряды были широко распространены в прошлом (Фрэнзер, 1980).

С другой стороны, как видно из приведенных выше примеров, ритуальным печеньем нередко также “угощали” птиц. Это отголосок древних жертвоприношений им как божествам. У тех народов, у которых подобные обычаи сохранились в более первозданном виде, подобные жертвоприношения уже

не столь символичны. Например, отмечая прилет орлана-белохвоста, казахи кололи барана и внутренности его вешали на сучок под гнездом (Плотников, 1893, цит. по: Симаков, 1998). Подобные пережитки давних жертвоприношений сохранились и в календарных медвежьих праздниках в Сибири — сейчас это вознаграждение ряженым за развлечение (Болонев, Фурсова, 1999).

По украинскому поверью, если при виде первой ласточки бросить горсть земли на грядку, сказав: “Кріп сію”, то на этой грядке действительно вырастет укроп (Килимник, 1994). Тот, кто первым увидел появление ласточек весной, бежал домой, умывался молоком и вытирал лицо полотенцем, в которое была завернута священная пасха. Таким путем можно было избавиться от веснушек (Скуратівський, 1998). Белорусы считают, что если первый раз увидев весной аиста сказать: “На тихое лето, на буйное жито, а нам на доброе здоровье!” и завязать в этот момент узел на поясе, то он будет хорошим средством от лихорадки (Борейко, Грищенко, 1999). Любопытное поверье есть у косовских сербов. Тот, кто первый раз в году увидит аиста, должен замереть на месте, затем взять из-под своей правой ноги немного земли и бросить в ведро с водой. Этой водой следует обрызгать себя и свой дом, и тогда летом в нем не будет блох (Толстой, 1984). Украинцы, увидев первых журавлей, не сходя с места, брали руками землю, и эту землю потом сеяли вместе с просом. Считалось, что она способствует лучшему урожаю. Гагаузы говорили: “Сколько увидишь и сосчитаешь по весне журавлей, столько килограммов у тебя родится пшеницы”. В Прибалтике дают такой совет: кто хочет быть крепким на ноги весь год, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной (Борейко, Грищенко, 1999).

Важно отметить, что подобные поверья относятся не к конкретному виду

птиц, а к первым прилетевшим особям. Сходные их варианты есть у разных народов, например, для белого аиста, серого журавля и кукушки (см. Борейко, Грищенко, 1999).

Инвазионные мигранты из-за непредсказуемости своего появления нередко становились вестниками всевозможных бед и несчастий. Классический пример этого — свиристель в Западной Европе. Появляющаяся время от времени невесть откуда и в больших количествах яркая, заметная птица вызывала в средние века множество предрассудков и поверий. Во многих местах Европы свиристеля считали предвестником всяческих несчастий, войн, эпидемий. Хорошо показывают различное отношение людей к нему старые народные названия. Многие из них связаны с особенностями окраски птицы, ее внешнего вида и т. п. Для нас наиболее интересна та их часть, которая отражает поверья и предрассудки. Еще с античных времен свиристель считался переносчиком пожаров (нем. название “Brandstifter”), потому что яркие красные пятна на маховых перьях птицы суеверные люди принимали за огоньки. К. Вольфгарт в 1557 г. описывал появление однажды во время бури и грозы стаи “воронов”, которые несли в клювах горящие угольки и сбрасывали их на селения. У У. Альдрованди речь идет о стае воронов или грифов, которые в 1194 г. появились в огромных количествах, перелетали с места на место с горящими угольками в клювах и поджигали дома. Р. Кинцельбах (Kinzelbach, 1995) проанализировал эти и другие сведения, и пришел к выводу, что так гротескно описывались инвазии свиристелей в 1191/1192 и 1194/1195 гг.

Еще больше суеверий вызывало внезапное появление свиристелей. В средние века продолжительность жизни человека была небольшой. Крупные инвазии случались в среднем раз в 10 лет, при этом свиристели, естественно, мог-

ли появляться не во всех местностях. Т. е., человек за свою жизнь мог столкнуться с налетом этих птиц всего 1–2 раза. Каждый раз это было внове, порождало массу слухов и суеверий, возникало множество новых названий птицы. Естественно, многие инвазии совпадали с войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями и другими крупными несчастьями, их во все времена было вдоволь. Так, инвазии свиристелей “предсказали” Великую французскую революцию (массированные налеты этих птиц в Западной Европе отмечались в 1787/1788 и 1788/1789 гг.); начало 30-летней войны (инвазия 1617/1618 гг.); поражения европейских армий от Наполеона в битвах под Аустерлицем и Иеной (инвазия 1806/1807 гг.) и даже первую мировую войну (инвазия 1913/1914 гг.). Понятно, что свиристель стал считаться во многих местах предвестником всяческих бед. Об этом говорят и многие старые немецкие народные названия — “Kriegvogel” (“птица войны”), “Todtvoegel” (“птица смерти”), “Pestvogel” (“птица чумы”), “Pestdrossel” (“чумной дрозд”) и т. п. На Цюрихском озере в Швейцарии до сих пор появление свиристелей является предзнаменованием холодной зимы (Gattiker, Gattiker, 1989; Kinzelbach, 1995).

Наиболее прочно народная молва связала свиристеля с чумой. Причем настолько, что в голландском языке даже официальное научное название его так и осталось “Pestvogel”. Первая крупная эпидемия чумы, прокатившаяся по Европе в 1348–1353 гг., как раз совпала по времени с массовой инвазией 1350/1351 гг. Были и другие совпадения.

Большой интерес в этой связи представляет средневековая икона из г. Збраслав в Богемии, которая хранится сейчас в Национальной галерее в Праге. Нарисована она была в 1360 г. На иконе Мадонна с младенцем Христом, который держит в правой руке прижа-

того к плечу свиристеля. Птица нарисована четко и хорошо узнаваема. Это древнейшее точное изображение свиристеля, но наибольший интерес для нас представляет символика рисунка. В средние века была традиция изображать младенца Христа со щеглом в руках. Икона была написана вскоре после крупной инвазии свиристелей в 1350/1351 гг., т. е., возможно, автор под впечатлением недавно увиденных ярких и красивых птиц заменил традиционного щегла на свиристеля. Но возможны и другие объяснения. Эта инвазия, как уже говорилось, совпала с первой крупной эпидемией чумы в Европе. Весьма вероятно, что свиристель — это своеобразный знак судьбы, который находится в божьих руках. Он (Pestvogel!) в данном случае символизирует чуму. Имеется в виду, что это игрушка в руках Бога, или другой вариант трактовки — только он может обуздать эту “кару небесную” (Kinzelbach, 1995).

В тех же странах, где свиристель является более или менее обычным гостем, негативных эмоций его появление не вызывает. Например, для украинцев это просто красивая птичка. Прилет свиристелей, как и снегирей, говорит о приближении зимы, но не более того.

Не большей популярностью пользовалась в Западной Европе и другие нерегулярные мигранты — чечетка, клест-еловик и др. Их также считали предвестниками несчастий. Появление этих птиц связывали со смертью, чумой, голодом и т. д. Интересно объясняли внезапное появление зимой чечеток крестьяне в Силезии. По их представлениям, эти птицы образовывались из мышей, весной же превращались обратно в грызунов (Gattiker, Gattiker, 1989). Клестам, правда, повезло больше. Во многих регионах Европы они гнездятся в горных лесах, поэтому не были такой диковинкой для местных жителей. В Швабии, например, клес-

та ставили даже выше ласточки и аиста. В ряде местностей Германии считалось, что наличие клеста в доме защищает от удара молнии. Есть сведения, что в древности он был священной птицей бога грома Тора (Gattiker, Gattiker, 1989).

Но не всегда внезапно появляющиеся птицы были знаменами злой судьбы. Могли играть роль и другие факторы. Например, окраска, голос, особенности поведения и т. п. Встреча белой совы у татар и калмыков была хорошим предзнаменованием. Залет ибиса в Закавказье — к счастью.

Литература

- Антес Р. (1977): Мифология в Древнем Египте. - Мифологии древнего мира. М. 55-121.
- Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. (1999): Пережитки культа медведя у русских и белорусов в Сибири. - Природа. 1: 83-88.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев. 2: 1-172.
- Вагурина Л.М. (сост.). (1998): Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор & Совершенство. 1-318.
- Грейвс Р. (1992): Мифы Древней Греции. М.: Прогресс. 1-624.
- Грищенко В.Н. (1996а): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодых орнитологов Украины. Чернівці. 48-52.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Дементьев Г.П. (1950): К истории скворечника. - Охрана природы. 10: 152-158.
- Ильинская Л.С. (1988): Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М.: Наука. 1-176.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.
- Карри-Линдал К. (1984): Птицы над сушей и морем. М.: Мысль. 1-204.
- Клаудсли-Томпсон Д. (1982): Миграция животных. М.: Мир. 1-136.
- Крамер С.Н. (1977): Мифология Шумера и Аккада. - Мифологии древнего мира. М. 122-160.
- Килимник С. (1994): Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги. 1: 1-397, 2: 1-524.
- Лебедева А.А. (1987): Народные знания славян. - Этнография восточных славян. М.: Наука. 483-498.
- Митрополит Лларіон (1994): Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги. 1-424.
- Мифы народов мира (1980-1982): М.: Сов. энциклопедия. 1: 1-672, 2: 1-720.
- Рыбаков Б.А. (1987): Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1-754.
- Рыбаков Б.А. (1994): Язычество древних славян. М.: Наука. 1-608.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Скуратівський В. (1998): На криласах храму. Київ. 1-116.
- Тараненко Л.И. (1995): Еще об изучении названий птиц. - Социально-орнитол. идеи и предл. Ставрополь. 5: 40-47.
- Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Славянское и балканское языкознание. М.: Наука. 115-117.
- Федосеенко В.М. (сост.) (1998): Флора и фауна. Мифы о растениях и животных. М.: Русь. 1-256.
- Фрээр Дж. Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1-571.
- Archer G., Goodman E.M. (1937): The Birds of British Somaliland and the Golf of Aden. London: Gurney and Jackson. 1: 1-285.
- Creutz G. (1988): Der Weiss-Storch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-236.
- Elmalik A.S.E.E. (1989): Threats to the White Stork (*Ciconia ciconia*) in the Sudan and conservation priorities. - Weißstorch - White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 331-335.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Bl. Naumann-Museum. 15: 24-52.
- Kahl M.P. (1981): Welt der Störche. Hamburg, Berlin: Parey. 1-96.
- Kinzelbach R. (1995): Der Seidenschwanz, *Bombicilla garrulus* (Linnaeus 1758), in Mittel- und Südeuropa vor dem Jahr 1758. - Kaupia. Darmstädter Beiträge zur Naturgeschichte. 5: 1-62.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Kunigslutter-Lelm. 1-459.
- Stresemann E. (1948): Geschichte des Starenkastens. - Orn. Beobachter. 45 (5): 169-179.
- Tavakoli E.V. (1989): The White Stork (*Ciconia ciconia*) distribution in Iran. - Weißstorch — White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 183-187.